

И. А. Седакова (Москва)

БАЛКАНИСТИКА И КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА*

Балканистические лингвистические исследования, оформившиеся в самостоятельную дисциплину относительно недавно, в конце XIX — первой половине XX века, рассматриваются в докладе в свете коммуникативных стратегий, которые предполагают дискуссию исследователей (*теория*) и общение с носителями традиции, балканцами (*эмпирия, практика*). Любое научное исследование — это коммуникация (в том числе автокоммуникация), но балканистика, возникшая, строго говоря, из эмпирических наблюдений, — особенно. Изучение би- и полилингвизма, характерного для определенных исторических периодов в Балканских странах (Николова 2006) и сохранившегося до наших дней, а также других типов языкового взаимодействия в культурно-сложных обществах стимулирует развитие балканистической *теории* и привлекает внимание новых исследователей.

Коммуникативные процессы на Балканах (*практика*) и в описании Балкан (*теория*) очень разнородны, о чем будет говориться подробнее. За ограниченностью места приведем один пример актуальной научной коммуникации, переходящей в политическую. Балканский языковой союз (БЯС) объединяет языки, контакты которых обусловлены не только географическим соседством, но и историческими и политическими процессами. В частности, изменение государственных границ в результате мирных договоров приводило к переходам ряда областей «из одной страны в другую» (юго-западные регионы Болгарии, Добруджа и др.). Язык населения, проживающего в приграничных районах, попадает под влияние национальной идеологии и государственной полити-

* Статья написана в рамках проекта «Язык и культура в полиэтничных и поликультурных сообществах Юго-Восточной Европы XXI века: междисциплинарное исследование» (Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные сообщества: понимание и управление»).

ки «новой» страны. Научные и вненаучные споры (последнее — особый тип коммуникации, нередко агрессивный и далеко отходящий от дискуссии) вокруг названий диалектов и языков Балкан ведутся не одно десятилетие¹. Особую остроту (в том числе и в политическом аспекте) приобретает определение статуса островных диалектов у диаспор на территории балканских земель.

В связи с развитием балканистики как науки и с изучением балканской эмпирии важным представляется исследовать «путь балканиста-филолога»² — нередко это выход из узкой специализации в более широкую, балканистическую. Подобное расширение интересов — обращение к сопоставительным исследованиям — для балканистики закономерно. При изучении одного языка БЯС студентам обычно сообщается о балканских чертах, в нем представленных (*теория*); в полевой работе исследователь оказывается в ситуации би- и полилингвизма (*практика*); анализ грамматики и лексики также выводит на общебалканский контекст (*теория* и *практика*). Это отличает балканистику, например, от славистики, где для многих областей исследования общеславянский фон не требуется.

Для того чтобы составить более ясное представление о том, чем объясняется обращение студента / ученого к общебалканскому контексту, мы провели небольшое пилотное анкетирование. Коллеги из разных стран сообщили о том, как и почему они пришли к проблематике БЯС³. Почти все лингвисты начинали с изучения одного языка и потом сталкивались с необходимостью обратиться к другим, соседним, языкам⁴. Чаще всего это происходило с болгаристами и македонистами, которые обращали внимание на особенности грамматического устройства балканославянских языков и диалектов (например, торлакского в сербском)

¹ См. здесь тему южнославянских диалектов в проекции на национальный язык (А. Н. Соболев и другие).

² Такой путь характерен не для всех гуманитариев. Специалисты по истории одной страны (Болгарии, Сербии, Греции, Албании) по определению являются «балканистами» в силу устоявшихся представлений о собственно балканских процессах, войнах и пр.

³ Благодарю коллег У. Дукову, М. М. Макарецца, А. А. Новика, М. Номати, А. Н. Соболева, В. Фридмана, Т. В. Цивьян, откликнувшихся на мою просьбу рассказать о своем пути в балканистику.

⁴ Многие современные балканисты учились в университетах на отделениях славянской филологии. Специальность «балканистика» появилась в ВУЗах во второй половине XX в. и преподается лишь в нескольких университетах мира.

на общеславянском фоне и понимали необходимость изучения других балканских языков. Для некоторых исследователей основанием для изучения ряда балканских языков стало наличие в них общебалканских турцизмов: турецкий язык хотя и не имел статуса *lingua franca* на Балканах, но оставил яркий отпечаток в языках БЯС. Турецкие компоненты языка воспринимаются и «изнутри», и «извне» как «балканское», например, в южнославянских языках¹, а сам турецкий язык считается одним из «ферментов» балканского союза². Таким образом, общий фонд лексических и грамматических элементов зачастую оказывается императивом для перехода от одной балканской традиции в более широкую, «балканскую». Обращение к балканистике вызвано и рядом экстралингвистических факторов, например — доступностью изучения болгарского и македонского языков в годы социализма (в частности, наличием летних школ, принимавших студентов из всех стран мира), модой на культурные факты Балкан, танцы и музыку (по сообщению В. Фридмана), сопоставлением с лингвокультурной ситуацией в родной стране (М. Номати).

Балканистика предполагает и еще одно расширение — от чистой лингвистики к этнолингвистике, лингвокультурологии и семиотике, к изучению *балканской модели мира*. Здесь уже видим иной тип коммуникации — она происходит на уровне разных дисциплин, поскольку балканистика включает в себя изучение широкого спектра фактов — конфессиональных, культурных, этнографических, фольклорных и пр. (Цивьян 2016).

И здесь очень важна роль учителя, а особенно научного руководителя, определяющего тему диссертационного исследования³. Почти все балканисты говорят о том, что к изучению балканской типологии и модели мира их привели старшие коллеги (В. Н. Топоров, В. Георгиев, А. В. Десницкая, С. В. Зайцева, Б. Попов, П. А. Дмитриев и др.). Отме-

¹ Так, по сообщению немецко-болгарской балканистки Уте Дуковой, турецкие словесные формулы в речи старшего поколения болгар (ее свекрови) всегда были для нее именно балканизмом (устное сообщение).

² Благодарю болгарского коллегу Александра Иванова за информацию.

³ Роль учителя в определении темы (диплома, кандидатской диссертации и дальнейших работ) и иногда направления — балканистики — очень велика. Именно так балканистом стала Т. В. Цивьян: В. Н. Топоров провидчески дал ей, античнице по образованию, балканистическую тему. В свою очередь, Т. В. Цивьян, предлагая своему аспиранту М. М. Макареву тему эвиденциальности, определила его обращение к балканским языкам, в которых эта категория представлена.

тим здесь, что *ученики*, в свое время пришедшие в балканистику благодаря *учителям*, сами стали *учителями*, сознательно направляющими своих студентов к типологии.

Мы же, исходя из собственного опыта, рассмотрим путь ученых Н. В. Котовой и М. Янакиева, которые соединяли в себе талант учителей, теоретиков и «эмпириков», а их деятельность может служить иллюстрацией к восприятию балканистики как коммуникативной стратегии, соединяющей теорию и практику. Будучи университетскими преподавателями, они читали спецкурсы по болгаристике, с обязательным выходом в балканистику, давали темы курсовых и дипломов в соответствии со своими теоретическими установками и языковым опытом. М. Янакиев был не только болгаристом, но и носителем болгарского языка, в отличие от Надежды Васильевны — болгариста «извне». В мои аспирантские годы в одном разговоре по теме моей кандидатской диссертации М. Янакиев вдруг стал вспоминать то, как в детстве на Новый год вместе с друзьями ловил воробьев, пек их и ел «для легкости». Этот эмпирический этнографический факт, не замеченный мною на тот момент в описаниях зимней обрядности, впоследствии был исследован подробнее (Седакова 1984).

Позиция *внутреннего* и *внешнего* наблюдателя имплицировала диалог Н. В. Котовой и М. Янакиева в их совместной работе, и эту технику исследования материала они передавали своим ученикам и коллегам. Не случайно жанр диалектного словаря, словаря говора, так хорошо проработан Н. В. Котовой (Котова 2002; 2017). Именно в эмпирической стихии, которая всегда является результатом коммуникации, она видит «жизнь» слова, грамматической конструкции, морфологии. Обратное эмпирическому направление — от теории к практике — можно увидеть в грамматике Н. В. Котовой и М. Янакиева (Котова, Янакиев 2001), где теоретическое положение подкрепляется фундированным языковым материалом.

ЛИТЕРАТУРА

- Котова 2002 — *Котова Н. В.* Горно поле, Дупнишко. Речник. София: ДИОС, 2002.
Котова 2017 — *Котова Н. В.* Язык албанцев Украины в середине двадцатого века. М.: ЯСК, 2017.
Котова, Янакиев 2001 — *Котова Н., Янакиев М.* Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком. М.: МГУ, 2001.

- Николова 2006 — *Николова Н.* Билингвизмът в българските земи през XV–XIX век. Шумен: УИ «Епископ Константин Преславски», 2006.
- Седакова 1984 — *Седакова И. А.* Лексика и символика святочнно-новогодней обрядности болгар. Канд. дисс... М., 1984.
- Цивьян 2016 — *Цивьян Т. В.* Модель мира и ее лингвистические основы. М.: УРСС, 2016. 5-е изд.